

красноярск И.И.

9/11 82

ГОДА

К 150-летию со дня рождения И. Н. Крамского

СТРЕМЛЕНИЕ ДУШИ

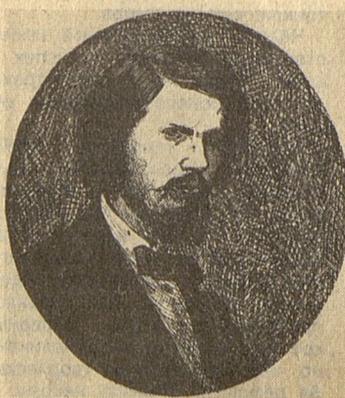
«Я ЧЕЛОВЕК очень пугливый во всем, что касается моего труда, и потому отвечать на предложенные Вами вопросы будет для меня нелегко, тем более что мнение автора о моей картине до такой степени лестно, что трудность ответа от того только возрастает». Не правда ли, эти строки сразу вызывают доверие к их автору. Так начал одно из писем Иван Николаевич Крамской.

Письма, дневники — как много они могут открыть тому, кто хочет понять судьбу художника! Крамской всегда мечтал о творческой свободе: «Хорошо, если бы человечество пришло к такому устройству, где художники и поэты были люди, как птицы небесные, поющие задаром. Даром получили, даром и давайте, только при этих нормальных условиях искусство будет настоящим, истинным...». Однако ему постоянно приходилось разрываться между тем, к чему стремилась душа, и тем, что надо было делать ради денег.

Детство и юность Крамского были трудны. Рано лишившись отца, он некоторое время работал переписчиком в Острожской думе; потом — подмастерьем у иконописца. Ничего общего с творчеством это занятие не имело, и, протерпев три месяца, Крамской сбежал с заезжим фотографом. В то время на смену дагерротипу пришел новый способ, при котором негативы получались излишне контрастными и для тонкой прорисовки фотопортретов требовался труд художника-ретушера. К двадцати годам Крамской заслужил прозвище «бога ретуши», работал в известном петербургском фотоателье. Самостоятельно он подготовился к поступлению в Академию художеств, а шесть лет спустя сделал решительный шаг, о котором никогда впоследствии не жалел.

9 ноября 1863 года четырнадцать учеников академии были приглашены для объявления программы конкурса на большую золотую медаль. Вице-президент князь Гагарин провозгласил: сюжет из скандинавской мифологии. Выпускники угрюмо молчали. Вперед вышел Крамской и сдвленным от волнения голосом объяснил, что, поскольку пожелание студентов получить право свободного выбора сюжета оставлено без внимания, они просят освободить их от участия в конкурсе. В историю русского искусства это событие вошло как «бунт 14».

От чего добровольно отказались ради своих принципов выпускники? От благополучной карьеры, от оплаченной академией стажировки за границей. Под впечатлением романа Чернышевского «Что делать?» молодые люди объединились в Пе-

тербургскую артель художников, стали жить коммунально.

Это новое по своей сути, добровольное и равноправное объединение художников часто называли коммуной Крамского. Иван Николаевич был его идейным вдохновителем. Постепенно в обычай вошли «четверги», на которые собиралось порою до пятидесяти человек. Здесь рисовали с натуры, обсуждали вопросы искусства, пели.

Заработок художнику в основном давали заказные портреты знати, которые часто приходилось писать с фотографий. Но параллельно в нем постоянно шел поиск заветных тем и сюжетов. На автопортрете в овальной раме он вглядывается в себя — тридцатилетнего. Именно в тот год написан первый вариант картины «Христос в пустыне», местонахождение которого неизвестно.

Семья Крамского разрасталась, заказных работ становилось все больше. А внутри артели дела шли уже далеко не так гладко, как прежде. Среди 14 появился отступник, Н. Дмитриев-Оренбургский, за спиной товарищей начавший переговоры с академией о поездке за границу. Иван Николаевич болезненно переживал утрату доверительного климата в сообществе, но его принципиальная позиция не была поддержана остальными. В ноябре 1870 года Крамской подал заявление о выходе из артели.

Общественный инстинкт художника оказался, однако, неистребимым, и вскоре он стал одним из инициаторов создания Товарищества передвижных художественных выставок. На первую, 1871 года, Крамской представил картину «Русалки», которую П. Третьяков сразу же приобрел для своей коллекции. Полотно написано под впечатлением «Майской ночи» Гоголя, и хотя художнику ближе был нравственный пафос иных произведений писателя (например, «Мертвых душ»), в «Русалках» и в написанной позднее «Лунной ночи» Крамской увлечен поэзией лунного света.

Главной своей творческой удачей художник считал картину «Христос в пустыне». Замысел ее созрел постепенно, но окончательный вариант написан довольно быстро, на одном дыхании. Показанная на второй выставке передвижников в 1872 году, картина сразу стала «гвоздем сезона». Работа над этим полотном и последующее его обсуждение были для Крамского способом размышления о самых главных нравственных ценностях: «...Пусть бы Христос делал чудеса, воскрешал мертвых, летал по воздуху, его бы оставили в покое; никто из власть имеющих и никто из заурядных смертных, особенно в то смутное и богатое предчувствиями время, не стал бы ни нападать, ни защищать... но совсем другой разговор, когда находится такой чудак, который будит заснувшую совесть...».

Отблески собственной судьбы художника проглядывают в его размышлениях о будущей картине «Хохот», где праздная толпа высмеивает Христа. «...Пока, говорил художник, мы не всерьез болтаем о добре, о честности, мы со всеми в ладу, попробуйте серьезно проводить идеи в жизнь, посмотрите, какой подымется хохот кругом. Этот хохот всюду меня преследует, куда я ни пойду, всюду я его слышу...».

«Неизвестная» — одна из самых популярных картин Крамского, но интересно, как она воспринималась первыми зрителями. Нам привычны ассоциации этого образа с блоковской «Незнакомкой», современникам же она напоминала об Анне Карениной, Настасье Филипповне. Критики приписывали этой работе обличительный характер. Вряд ли Крамской своей «Неизвестной» действительно добивался обличения порока, но противопоставление женского образа толпе, которая хоть и не изображена, однако незримо присутствует, прочитывается достаточно ясно.

Самокритичность, способность беспристрастно оценить творчество совсем иного направления были всегда присущи Ивану Николаевичу и заслужили ему авторитет в среде художников. Одним из первых он приветствовал импрессионистов, предрек им большое будущее.

...В юношеском дневнике Крамского есть такая фраза:

«Как часто случалось мне, сходясь с каким-нибудь человеком, испытывать чувство, говорящее не в пользу его! Но при одном слове: «он рисует» или «он любит искусство» — я совершенно терял это враждебное чувство». Умер художник за работой, с кистью в руке.

М. ЧЕРНЯВСКАЯ,
кандидат педагогических наук.